

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

ФИАЛКОВСКАЯ Ирина Дмитриевна

кандидат юридических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
г. Нижний Новгород, Россия

В статье представлены особенности политико-правовой реальности в условиях развития цифрового общества, рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия государства и личности в киберпространстве, обозначено значение краудсорсинга и его элементов в России. Сделан вывод о трансформации некоторых элементов публичной сферы под влиянием виртуальной реальности.

Ключевые слова: правовая реальность, цифровое общество, цифровая личность, виртуальные правоотношения, влияние цифрового развития на публично-правовые отношения.

В общем виде политико-правовая реальность – это совокупность форм и методов взаимодействия человека и права, способов определения различных явлений правовой действительности. В настоящее время во всем мире политико-правовая реальность претерпевает существенные изменения.

Политико-правовую реальность можно представить как комплексное явление, включающее в себя философские, социальные и правовые элементы. В этом смысле политико-правовая реальность, во-первых, представляет собой организацию социальной жизни и поддержание механизмов функционирования общества [1, с. 9]. Во-вторых, политико-правовая реальность – это реальность должного поведения и реакция коллективного сознания на отклонения от заданных параметров. В-третьих, политико-правовая реальность находит объективное отражение в материальном мире посредством реализации права, возникающих правовых отношений и их последствий. Если представить утопическое государство, жители которого лишены каких-либо социальных отклонений, то потребность общества в праве вовсе бы отпала. Поэтому все вышеуказанные компоненты политико-правовой реальности необходимы, взаимосвязаны и дополняют друг друга.

И.А. Исаев отметил, что структура правовой реальности может быть представлена тремя ее компонентами: правовой идеологией, правовой нормой и правоотношением [2, с. 10]. Каждый из этих компонентов задействует правовую действительность на разных уровнях: концептуальный компонент правовой реальности включает в себе политико-правовые

идеи и установки, инструментальный компонент выражает возможность реализации должного в действительное при помощи формального закрепления норм, фактический компонент содержит в себе юридические факты и основанные на них правовые отношения. Все эти компоненты взаимосвязаны, следовательно, говоря о трансформации правовой реальности, стоит иметь в виду изменения в каждом из ее структурных элементов.

Большинство современных концепций развития социальных институтов рассматривает их функционирование в контексте киберпространства. Киберпространство представляет собой синтез социального и технического, то есть совокупность общественных отношений, реализуемых при помощи цифровых устройств [5, с. 38-42].

В связи с этим возникает вопрос, который, возможно, определит дальнейшее концептуальное развитие права: могут ли предоставляться и должны ли гарантироваться права и свободы в киберпространстве?

В настоящее время существуют представления о том, как следует организовать правовую жизнь общества в пространстве Интернет. На основании стремительного развития представлений о цифровой демократии, в зарубежной литературе с 2010 г. начал развиваться концепт «digitizen» (digital – цифровой, и citizen – гражданин). Под этим термином понимается совокупность онлайн-возможностей политического поведения человека: участие в онлайн-выборах, взаимодействие с онлайн-платформами политических партий и органов публичной власти [6]. Подходы к пониманию цифрового гражданства подразумевают два

исследовательских вектора: как люди конструируют политико-правовую реальность при помощи цифровых инструментов, и как эти инструменты воздействуют на модель политико-правового поведения людей.

Проблемы инструментальных трансформаций политико-правовой реальности в киберпространстве обнаруживаются в первую очередь в трудностях адаптации традиционных правовых инструментов к виртуальной реальности.

В начале развития цифровых глобальных платформ первые ограничения со стороны государства вызывало в обществе мощный негативный общественный резонанс. Поиск разнообразных путей обхода государственных ограничений является целью многих виртуальных сообществ. Любое ограничение со стороны государства провоцирует такое сообщество на изобретение методов игнорирования запретов [3, с. 79].

В конечном итоге оказалось, что только государство способно эффективно реализовывать полномочия «главного контролера» за законностью в киберпространстве. Сейчас в мире существуют различные государственные механизмы контрольно-надзорной деятельности в сети Интернет: от императивного тотального надзора и юридической ответственности до диспозитивных рекомендаций по использованию веб-информации.

Таким образом очевидно, что существующая правовая действительность подвергается трансформациям. В связи с этим возникает вопрос о том, что же может являться механизмом новой правовой реальности.

Одним из значимых элементов формирования политико-правовой реальности может стать краудсорсинг. Краудсорсинг – это коллективная интеллектуальная деятельность, направленная на достижение общественно значимой цели через использование компьютерных технологий в глобальной сети [4]. Ценность этого метода заключается в следующем: во-первых, создается дополнительный демократический инструмент взаимодействия государства и личности, и во-вторых, формируется политическое сообщество с развитым правосознанием и активной гражданской позицией.

Примерами краудсорсинга в России мож-

но назвать общественное обсуждение проектов нормативных актов и решений органов публичной власти, онлайн-выборы, общественное голосование по важным вопросам социально-экономического развития территорий; краудсорсинговые методы используются в региональных и муниципальных ресурсах краудсорсинг-проектов. Очевидно, что участие граждан в публичной деятельности через использование публичных онлайн-ресурсов – это серьезная практика политико-правового краудсорсинга.

В настоящее время можно утверждать о возникновении устойчивого понятия правового статуса цифровой личности в различных правоотношениях: конституционных, административных, муниципальных, налоговых и др. Исходя из этого, можно выделить правовой статус цифровой личности в публичной сфере. Цифровая личность в публичной сфере – это гражданин государства, обладающий:

- необходимым уровнем цифровой грамотности, чтобы использовать онлайн-инструменты цифрового гражданства;
- доступом к публичным онлайн-инструментам;
- активной гражданской позицией, т. е. желанием пользоваться такими инструментами.

Сегодня политика государства во многом направлена на решение первых двух проблем: государственные структуры и частные организации содействуют распространению цифровых навыков при помощи обучающих программ, а Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры РФ) ведет активную деятельность по преодолению технических проблем цифрового развития. Так, на официальном сайте Минцифры РФ представлен Федеральный проект «Цифровое государственное управление», который направлен на достижение национальной цели «Цифровая трансформация». В частности, одной из основных целей к 2030 году установлено увеличение доли социально значимых услуг в электронной форме для граждан до 95%. Данная цель утверждена указом Президента РФ от 21 июля 2021 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Представляется резонным вопрос о том, что будет, когда интернет-пользователи смо-

гут иметь возможность и навык формировать правовую действительность, – будут ли они иметь желание? Такие методы развития активности гражданской позиции как моделирование социального опыта, до сих пор остаются недостаточно развитыми. В условиях виртуальной коммуникации эти способы отмирают: без личностного отношения общественный опыт не усваивается, он воспринимается как информация, которая в отношении человека к окружающему миру и в его личном опыте ничего не меняет, а значит, не может повлиять на его гражданскую позицию. Таким образом, формирование правовой культуры в обществе открытого доступа к любому (даже «запрещенному») контенту должно исходить из формирования актуальных моделей гражданского воспитания.

Исследуя некоторые аспекты политико-правовой реальности в условиях цифровой трансформации, необходимо подвести следующий итог.

Специфику политико-правовой современности можно выразить в разделении устоявшейся модели организации политико-правовой жизни общества и невозможности ее дальнейшего применения в условиях массовой виртуализации. Сегодня общество находится в стадии поиска путей адаптации инструментов взаимодействия государства и личности в киберпространстве, и это пока переходное состояние.

Концептуальный компонент правовой ре-

альности, то есть совокупность идеологий, профессиональных и бытовых представлений о роли, месте и функциях права в обществе, направлен на развитие концепций цифровой демократии и цифровой свободы человека и гражданина. Развитие концептуального компонента правовой реальности движется в сторону декларирования прав цифровой личности. Философско-правовой капитал пополняется понятиями цифровых прав и свобод, что направляет развитие правовой культуры в сторону расширения гражданского участия в публичном управлении посредством цифровых технологий. Ведущими тенденциями можно назвать политику публичной открытости (то есть возможности граждан наблюдать за процессами, осуществляемыми государством) и государственного партнерства (ролевой сдвиг государства от руководства к сотрудничеству, наставничеству).

С учетом тенденций развития общественной жизни в сфере цифровой реальности, одним из непосредственных инструментов взаимодействия государства и населения выступают краудсорсинговые проекты, а это непосредственно отражается на динамике политико-правовой реальности.

Следовательно, практика развития и применения интернет-технологий в публичных процессах направлена на выработку наиболее эффективной и устойчивой формы связи личности и государства в условиях цифровой трансформации общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Е.В. Правовая реальность: анализ взаимодействия субъекта и объекта: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2008. – 18 с.
2. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. – 3. изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – 787 с.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. – 327 с.
4. Курочкин А.В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9-1(35). – С. 78-81.
5. Романов О.В. Философия Интернета (генезис и синтез фундаментальных идей). – М-во Рос. Федерации по связи и информатизации, Поволж. гос. акад. телекоммуникаций и информатики. – Самара: Перспектива, 2003. – 173 с.
6. Culver S., Kerr P. Global Citizenship in a Digital World. Göteborg: Nordicom, 2014.

DEVELOPMENT OF POLITICAL AND LEGAL REALITY IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

FIALKOVSKAYA Irina Dmitrievna

Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod, Russia

The article presents the features of political and legal reality in the context of the development of a digital society, examines some aspects of the interaction between the state and the individual in cyberspace, and outlines the importance of crowdsourcing and its elements in Russia. A conclusion is made about the transformation of some elements of the public sphere under the influence of virtual reality.

Keywords: legal reality, digital society, digital personality, virtual legal relations, the impact of digital development on public legal relations.

ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАНИЯ НАЛИЧИЯ НЕКОТОРЫХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОТВОДА ЭКСПЕРТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

ЯКИМОВА Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства

Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
г. Краснодар, Россия

В статье рассматриваются вопросы отвода эксперта в гражданском процессе, делается вывод, что исходя из судебной практики, если в судебном определении о назначении экспертизы в гражданском процессе отсутствует указание фамилии, имени, отчества конкретного эксперта, хотя это в целом не нарушает положений законодательства, но это будет существенно ограничивать право лиц, участвующих в деле на отвод эксперта

Ключевые слова: гражданский процесс, отвод, эксперт, определение суда, экспертиза.

В процессуальных теоретических работах институт отвода нередко является объектом для проводимых исследований [1; 2; 3]. Считаю, что одной из значимых проблем является исследование института отвода эксперта в гражданском процессе.

В соответствии с п. 1 ст. 18 ГПК РФ «основания для отвода судьи, указанные в статье 16 настоящего Кодекса, распространяются также на прокурора, помощника судьи, секретаря судебного заседания, эксперта, специалиста, переводчика». То есть основания, предусмотренные в ГПК РФ для отвода судьи могут быть применимы также основания для отвода эксперта в гражданском процессе.

Например, если в ходе рассмотрения гражданского дела судом была назначена судебная экспертиза, то в определении суда о назначении экспертизы суд может указать, что суд поручает ее экспертному учреждению, по адресу,

вместе с тем в определении может быть не указана конкретная фамилия, имя, отчество эксперта, так как ст. 80 ГПК РФ допускает указание в определении суда фамилию, имя и отчество эксперта либо наименование экспертного учреждения. Вместе с тем указание в определении суда о назначении экспертизы только наименования экспертного учреждения в дальнейшем может быть основанием для заявления отвода эксперта в порядке ст. 18 ГПК РФ.

Так, в кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2021 № 88-26565/2021 указывается, что «в силу пунктов 1, 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», возможность применения которого по аналогии к спорным правоотношениям допустима